

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Оформление серии С. Курбатова

Редактор серии А. Антонова

Полянская, Алла.

П54 Прогоулки по чужим ночам : роман / Алла Полянская. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы).

ISBN 978-5-04-116001-2

Лиза с детства привыкла сама решать свои проблемы — годы в детдоме закалили ее характер, как сталь. Но когда из багажника проезжающей мимо машины прямо к ее ногам выпал связанный окровавленный мужчина, она растерялась. Сначала девушка хотела пройти мимо, но потом все же вернулась и... отвела его к себе домой. Она, конечно, понимала, что это очень опасно, ведь парня по имени Андрей явно ищут. А вскоре погиб сосед-алкоголик, нацепивший выброшенный Лизой костюм Андрея, — его застрелил профессионал. Конечно, она не поверила в случайность такого совпадения! Во что же Лиза ввязалась и как ей теперь поступить с этим парнем, который не может самостоятельно покинуть ее квартиру? И почему ей упорно кажется — он неспроста попросил о помощи именно у нее?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Copyright © PR-Prime
Company, 2020**
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-116001-2

Если неприятность может произойти,
она обязательно случится.

Закон Мерфи

1

У каждого человека есть нечто, что он ненавидит с особой страстью. Кто-то терпеть не может перловку, у кого-то от одной мысли о соседской шавке сводит челюсти, а кто-то мысленно изобретает страшные пытки для свекрови — и все это ведет к самосовершенствованию. Нечто подобное испытывает каждый человек. Нет идеальных людей, кроме святых, да и те повывелись. Хотя это и хорошо, похоже, им больше нет места на земле, а у любого чувства должен быть свой ареал, даже у ненависти.

Я, например, ненавижу зиму. Каждой клеточкой своего тела я одинаково ненавижу пижонский блеск снега под ярким холодным небом и благостный рождественский снегопад, превращающий город в сладенькую праздничную открытку, на которой остается только написать дежурные пожелания счастья-здоровья-денег — и выбросить. Я ненавижу зиму, у меня есть причины ее ненавидеть. А потому уже где-то в сентябре в мою душу вползает раздражение — лето прошло, до весны далеко, а зима уже вот, на носу. И ничего нельзя изменить.

Может, если бы у меня были деньги, я кочевала бы по свету вслед за летом или весной, а то и вовсе поселилась бы там, где нет такой дряни, как зима или осень. Собственно, осень — это еще куда ни шло, счастья не прибавляет, но мы с ней поддерживаем вооруженный нейтралитет. А иногда, например сегодня, вообще находимся в состоянии временного перемирия. Потому что когда в октябре начинают жечь листья, а на улице тихо и синий вечер уже поглядывает серебряным лунным ликом, бледным и зашпанным, когда солнце еще здесь — я люблю бродить вечером в тумане и запахе дыма. Говорят, дым от горящих листьев ужасно вреден, но я люблю этот запах в сыром октябрьском воздухе. Тогда я иду куда глаза глядят, и мне почти хорошо. Жизнь сама по себе вредна, так что лишний глоток дыма ничего не изменит, думаю я.

Мимо меня с хищным шелестом пролетают машины, но мне до них нет никакого дела. Мне и вовсе ни до кого и ни до чего нет дела. Ведь моими проблемами никто не интересуется! Ну вот, 0:0, ничья. Наверное, это в какой-то степени неплохо — вот так идти вдоль дороги, раз уж я оказалась в этом районе. Теперь я иду домой пешком и слушаю город, и машины мне не мешают, они тоже часть города, пусть утюжат асфальт, я не против.

Он подкатился к моим ногам, как заблудившийся мяч. Я даже не заметила, откуда он взялся — сначала даже показалось, что он рухнул прямо с неба, но эта теория скончалась в тот момент, когда я заметила, что он связан, его рот кто-то тщательно заклеил скотчем, а лица и вовсе нет — кровь и сплошной синяк. Я понимаю, что в небесной канцелярии ни с кем не церемонятся, но не до такой же степени! По крайней мере, я так думаю, хотя вполне возможно, что ошибаюсь. В данном случае этот тип, скорее всего, выпал из машины. Интересно, как ему это удалось?

Я присела рядом с ним на корточки. Я совершенно не собираюсь ему помогать, мне такая глупость и в голову не пришла. Да, у него явно есть проблемы, но каждый сам кузнец своего несчастья. Мои проблемы никто не бросается решать, почему же меня должны волновать чужие? Нелогично. Я остановилась возле него, потому что он мешает мне пройти, а любопытство заставило меня присесть рядом с ним и присмотреться.

Его одежда точно не с рынка, уж кое-что и я понимаю в этом. Дорогие шмотки непоправимо испорчены, к тому же он босой и на нем в прямом смысле слова лица нет. Только полоска скотча на синем-лиловом опухшем фоне — не слишком в тон, но это мелочи. Ладно, пора двигаться дальше, уже темнеет.

Я поднимаюсь и переступаю через парня. Здесь очень узкий тротуар. Улица застроена какими-то складами и старыми одноэтажными домами-бараками, половина из которых смотрит на меня пустыми глазницами окон без рам, остальные тоже недалеко от них ушли — квартал скоро снесут, наверное. Здесь пусто, но, думаю, кто-нибудь парня найдет — если ему повезет. Может быть, полиция, или какой-нибудь сознательный пенсионер, или просто добрый самаритянин... Но я не отношусь ни к одной из вышеперечисленных категорий и знаю, что именно произойдет вероятнее всего: пропажу быстро обнаружат и станут искать. И мне надо бежать от этого места как можно дальше.

Тихий стон не заставил меня оглянуться. Извини, парень, но я не хочу вляпаться в дерьмо, а, судя по твоему виду, ты в нем увяз по самую макушку. Мне хватает собственных проблем. Ну почему у меня нет кучи денег, я бы тогда просто уехала из этой дурацкой страны, где все изменения только к худшему, где граждане валяются на тротуарах связанные и изби-

тые, а полиция и чинуши жиреют на взятках и грабежах? Конечно, я могу развязать его и потом уйти, а он пускай сам решает свои проблемы, ага. Отлично, это идея, и остатки моей совести не будут скулить по ночам по поводу того, что я бросила человека на произвол судьбы. Да, это компромисс. Я развяжу его.

— Ладно, не стони, я возвращаюсь, черт бы тебя побрал! — Я снова подхожу к нему. — И что, другого места, чтоб упасть, не нашлось? Мог бы вывалиться немного дальше, там полицейский участок, чтоб ты знал. Не мычи, все равно я не понимаю... да, крепко тебя скрутили. Не дергайся, сейчас я маникюрные ножницы найду, по-моему, где-то они были у меня... ага, вот.

Я пытаюсь сделать все быстро, но ножницы маникюрные, а не портновские, да еще и китайские, так что дело движется медленно, но все же это лучше, чем вовсе без ничего. Ну вот, освободила ноги, теперь и руки.

— Полоску с лица отдирай сам.

Но он не может. Естественно, кто бы сомневался! У него восстанавливается кровообращение в конечностях, ему больно. Думаю, даже очень больно. Сквозь распухшие веки на меня умоляюще смотрят глаза — уже темно, он вряд ли сможет меня потом опознать, если что... Ладно, скотч я тоже сниму, пусть позовет на помощь. Один резкий рывок — и порядок.

— ... твою мать!

— Так ты еще и матерись?! Ну, ладно, счастливо оставаться. Вот, возьми телефонную карточку, позвонишь куда тебе нужно, там еще времени минут десять осталось. Адрес — вон, смотри, на доме табличка, телефонный автомат рядом. Надеюсь, он работает. Позвонишь, за тобой приедут и окончательно спасут. А мне пора.

Я готова пнуть себя, потому быстренько поднимаюсь. Я подумала об этом, но как-то вскользь, а зря.

Ведь те, кто потерял этого парня, уже обнаружили пропажу и теперь едут назад в поисках утерянного груза. Думаю, скоро они будут здесь, и тогда моя жизнь окончится сегодня, эти люди не оставят свидетеля, я бы точно не оставила.

— Пожалуйста, подождите! Я прошу вас... я совсем не могу подняться... — бормочет парень.

Черт бы тебя побрал! Нет, ни за что не вернусь, отлежится немного, оклемается... Сама не верю в это, но я ничего ему не должна.

— Еще минутку, прошу вас...

Я должна идти, бежать отсюда, иначе вляпаюсь в неприятную историю, и уж мне-то точно ни один человек не поможет.

— Что еще?

— Мне нужно где-нибудь побыть до утра, хоть несколько часов, — лепечет парень.

— Прости, но я не могу тебе помочь. Если хочешь, могу вызвать «Скорую» или полицию.

— Нет, я не... а вы? Вы где-то живете... мне только до утра, а потом я уйду...

— Нет.

— Я заплачу вам.

— Забудь об этом. Деньги для меня не дороже жизни.

— Но я даже пошевелиться не могу, а на улице холодно.

— Кровообращение скоро восстановится, до смерти ты не замерзнешь, шестнадцать градусов на улице, осень в этом году теплая. Ну, простынешь маленько, это не смертельно. Позвони домой, пускай за тобой кто-нибудь приедет. Не надо впутывать меня в свои проблемы, я и так сделала для тебя больше, чем должна, ты заметил?

— Да, и я вам благодарен, но...

— Все, пока.

Я не успеваю пройти и пары шагов, как темноту прорезает свет фар. Машина далеко, но почему-то я понимаю, что это именно та машина. Понимает это и парень на тротуаре. Убежать я не успею, спрятаться негде, сплошной ряд стен и дорога.

Я хватаю парня и тащу его к телефону. Куда подевались уютно обоссанные телефонные будки? Теперь стоят синие пластиковые навесы, и все. Ну, что же, попробую воспользоваться тем, что есть. Я расстегиваю плащ — он длинный, почти до щиколоток.

— Обхвати меня за талию и прижмись, может, под плащом не заметят, — говорю найденному.

Я вставляю телефонную карточку и беру трубку. Машина совсем рядом, а мой подопечный сжал меня так, что дышать трудно.

— Радиотакси слушает.

Фары машины хищно и бесстыдно освещают меня. Что ж, умирают один раз. От судьбы не уйдешь.

— Пожалуйста, пришлите такси на угол Стефанова и Гончарова.

— Куда вам ехать?

Машина едет медленно, слишком медленно. Вот сейчас они остановятся, выйдут, и тогда мне конец. Все-таки добрые дела — не мой профиль.

— К Дому одежды.

— Ждите, машина сейчас будет.

Свет фар отдаляется. Неужели выгорело?

— Эй, не сжимай меня так, мне больно.

— Думаешь, они вернуться?

— Не скоро.

Белая машина с красными буквами «Аргос-такси» вынырнула из тумана.

— Сделай вид, что ты пьян.

Ему для этого не нужны дополнительные усилия. Он молчит, и я тащу его в салон.

— Девушка, а ваш муж не будет блевать?

— Нет. Уже выbleвал все, что мог.

Таксист с пониманием кивает и двигается вперед. За окном мелькает ночь — фонари, витрины, реклама, чьи-то освещенные окна, за которыми чужая жизнь.

— Вот, Дом одежды.

— Пожалуйста, немного дальше, в сторону кегельбана.

— Как скажете.

Я расплачиваюсь с таксистом и тащу парня из машины. Тяжелый, черт! Он помогает мне как может, а потому мы все-таки продвигаемся вперед, к темно-му переулку, где притаились одноэтажные дореволюционные домики. В одном из них есть комната, в которой я живу. Правда, теперь это две комнаты, три дня как две. А третья... Собственно, если выйдет так, как я задумала, то скоро я перееду в более приличное место. Годика так через два. Об этом сейчас не стоит думать, ибо единственное, что в этот момент имеет значение, — как-то дотащить своего найденыша домой, не нарвавшись на соседей.

— Где мы?

— Скоро будем на месте, молчи.

— Я вам так благодарен, вы...

— Я сказала тебе — молчи! Соседи услышат! Тут как в деревне, полно старых любопытных сук, везде сующих свой нос.

Я достаю ключи и открываю общую дверь. Запах пыли и лука не улучшает мне настроение. Терпеть не могу общий коридор, но ничего не поделаешь, коммуналка есть коммуналка, а потому я быстренько открываю дверь в свою квартиру и впихиваю парня в темноту, полную храпа и воня. Значит, Сашка уже дома и дрыхнет пьяный. Это хорошо.

— Кто здесь?

— Сашка, мой сосед. Хронический алкаш, но он уже налился до свинячьего визга и спит. Давай сюда.

Я открываю железную дверь в свою комнату и укладываю отяжелевшее тело на пол. Пусть полежит, в доме тепло. Я включаю свет, закрываю жалюзи, для верности задергиваю шторы и обессиленно падаю в кресло. Ноги и руки дрожат, хочется пить, а на полу лежит незнакомый грязный мужик без лица и смотрит на меня сквозь щелочки распухших век, как собака на хозяина. Ну ладно, отдохну потом.

Я снимаю плащ и туфли, наклоняюсь к гостю. Здорово ему досталось — гематомы, ожоги, кровь...

— Потерпи немного, я вызову доктора.

— Не надо, это...

— Молчи, не то получишь еще. Недоставало только, чтоб ты тут доской накрылся. Что я буду делать с трупом? Собак я не держу...

— А при чем тут собаки?

— Если бы держала собак, проблема утилизации трупа не стояла бы столь остро. Я просто сэкономила бы на собачьих кормах.

— Я не...

— Молчи, — я набираю номер. — Вадик, ты дома? Немедленно езжай ко мне. Захвати йод и бинты.

Я кладу трубку и наклоняюсь к раненому. Надо его как-то раздеть, но можно ли его кантовать? Хотя я тянула его, он даже шел, но это мог быть просто шок... Ладно.

— Что вы делаете?!

— Собираюсь тебя изнасиловать.

Я снимаю с него пиджак и расстегиваю брюки, он пытается как-то пресечь мои действия, но силы неравные — по крайней мере в данный момент.

— Боже, какое целомудрие! Не бойся, больно не будет. Расслабься, — ухмыляюсь я.

— Вы издеваетесь?

— Именно. Издеваюсь. Потому что это ты лежишь на моем полу, а не я на твоём. Закон джунглей — право на территорию, слышал о таком?

Он молчит, и я стягиваю с него брюки. От рубашки остались одни лохмотья, а потому я с чистой совестью просто срезаю ее, отрывая прикипевшие к ранам куски ткани. Начинает течь кровь. Кто-то очень постарался, потом его одели и запихнули в машину.

— Тебя надо вымыть. Помоги мне, я сама не достащу тебя до ванной.

Но его силы, похоже, иссякли, а потому я развожу в ведре раствор марганцовки и мою его. Он молодой, крепкого телосложения. Я осторожно смываю кровь с многочисленных порезов и ожогов, покрывающих его тело, на запястьях кровоточат следы от наручников. Холодная злоба поднимается во мне. Чтобы такое сотворить, надо быть последним ублюдком. Правда, их с каждым годом становится все больше.

Я смываю кровь с распухшего лица. Что ж, дружок, все это, к сожалению, не пошло на пользу твоей внешности. Не знаю, каким ты был, но теперь, наверное, станешь хуже.

В прихожей слышен звонок. Это Рыжий, очень вовремя.

— Ты меня напугала до икоты. Не называй меня по имени, тогда я начинаю думать, что ты при смерти. Летел низко над землей, нарушая все правила дорожного движения. — Рыжий осуждающе смотрит на меня. — А ты похожа на Лиззи Борден¹, которая пару часов подряд орудовала топором. Только погляди на себя: вся в крови, вспотела, запыхалась... А это еще что?! — он кивнул на тело на полу.

---

¹ Лиззи Борден — учительница, в конце XIX века в приступе ярости зарубила своих отца и мачеху.

— Не знаю, — я плотно прикрываю дверь. — Но ты осмотри его, что с ним произошло?

— Ну, что с ним, видно даже невооруженным глазом. За что ты его так?

— Очень смешно.

— А то. — Рыжий улыбается. — Давай перенесем его на диван. Хорошо, что ты этого типа помыла, теперь приberi, а то похоже на пыточную.

— Ты прав.

Я тщательно смываю следы крови, снимаю свою одежду и вместе с тряпьем раненого бросаю все на пол ванной около стиральной машинки. Рыжий тем временем уже закончил осмотр.

— Ну что?

— Предварительный осмотр не выявил никаких серьезных повреждений. Сломаны два ребра, неглубокие резаные раны по всему телу, сотрясение мозга, незначительные ожоги и обширные гематомы. Сломан нос, и еще небольшой шок. Ничего такого, с чем бы мы не справились. Правда, неплохо бы сделать рентген, но это завтра, я буду дежурить в отделении и все устрою. Где ты его нашла?

— Да нигде. Он просто упал мне под ноги.

— О, несравненная! Мужики падают тебе под ноги, как кегли, и укладываются штабелями. Только почему из этих штабелей ты выбрала избитого?

— Рыжий, я тебе сейчас...

— Ничего не выйдет. Если ты меня побьешь, кто тогда будет лечить твой трофей? Крупный экземпляр, тебе всегда такие нравились.

— Клоун.

— Я знаю. Просто не в твоих правилах тащить домой все, что валяется на дороге.

— Так случилось.

— Прикрой мужика одеялом, его сейчас будет знобить, а я в аптеку за лекарствами. Может, он придет в себя — тогда дашь ему попить.

Он выходит, за окном мелькнула его фигура. Я устала и хочу спать, а завтра еще на работу. Я смотрю на часы. Черт бы побрал эту осень с ее ранними сумерками — только семь часов, а мне казалось, что уже почти ночь.

— Пить...

Я осторожно поднимаю его голову. Волосы мне удалось отмыть от крови, они влажные, но уже видно, что цвет их темно-каштановый и они немного вьются.

Он пьет небольшими глотками, долго. Мне от вида его лица немного не по себе. Нет, я и раньше видела избитых людей, но чтоб **так** — только когда-то давно, и теперь всякий раз для меня это стресс.

— Здесь кто-то был или мне показалось? — спрашивает он.

— Не бойся, все в порядке. Тут был мой друг, он врач. Сейчас он вернется, пошел в аптеку.

— Что со мной?

— Он тебе все объяснит. Ничего страшного, скоро будешь как новый. А пока полежи, тебе нельзя вставать.

— А где...

— Одежду я бросила в стирку, ей хана.

— Но я...

— Мне приходилось видеть голых мужчин. У тебя нет ничего, несвойственного человеческой анатомии, а потому не стоит так переживать.

— Вы не представляете, как я вам благодарен.

— А вот и Рыжий вернулся.

Терпеть не могу всякие там «спасибо», «извините», «люблю» и прочие сопли, пустые разговоры, не стоящие того, чтобы тратить на них свое время. Потом оказывается, что слова вообще ничего не значат. Мы